

Фото: Кирилл Бегишев для Фонда имени Генриха Бёлля, Юлия Корнева для tv2.today, Иван Быков

10.11.2021, 17:35 **Вся Россия**

СТАТЬИ

Отказы от участия в проектах и травля. Монологи руководителей НКО-«иноагентов»

Статус НКО-«иностранный агент» появился в российском законодательстве в 2012 году. НКО-«иноагент» обязана отчитываться о своих финансовых расходах в Минюст по специальной форме, а также маркировать все свои публикации. Сейчас в реестре НКО-«иноагентов» уже 75 организаций. Мы записали монологи руководителей организаций, получивших этот статус, о том, как им пришлось перестроить свою деятельность и что мотивирует работать дальше.

Марина Пискалова-Паркер, руководитель ресурсного центра «АННА». Организация создала первый Всероссийский телефон доверия для женщин, пострадавших от гендерного насилия, а также выпускает разъясняющие материалы для пострадавших от насилия.

Центр признан «иностранным агентом» 26 декабря 2016 года

Первое, что помню после признания нас «иноагентами», — это резко возникшее чувство несправедливости. Мы же общественная организация, которая делает благое дело — борется с проблемой домашнего насилия и старается помочь властям развить систему реагирования [на домашнее насилие]. Мы, конечно, тогда все сильно выгорели.

В качестве основания для внесения нас в реестр [НКО-«иностранных агентов»] были представлены мои публичные выступления про домашнее насилие, а также отмечен тот факт, что я возглавляла рабочую группу по разработке законопроекта [о профилактике домашнего насилия]. Я понимаю, что нас внесли в реестр [НКО-«иностранных агентов»] для того, чтобы как раз остановить принятие этого закона. Ведь когда нас признали «иностранными агентами», можно было сказать, что принимать такой закон нельзя, раз над ним работали «иноагенты».

Продолжить работать нам помогла поддержка от других общественных организаций, которые уже были в реестре [НКО-«иностранных агентов»]. Нам говорили, что это своего рода «знак качества». Потом мы уже начали разбираться в юридических тонкостях: поняли, что отчетная нагрузка на нас значительно усилена, но жить с этим можно.

Мы поняли, что проблема домашнего насилия в нашей стране остается нерешенной, поэтому надо продолжать

работать. Пока мы можем оказывать какую-то помощь пострадавшим, мы не будем прекращать этим заниматься. То, что пострадавших наш статус не останавливает, как раз и говорит о том, что мы им нужны.

Нам пришлось значительно перестроить свою работу после того, как мы стали «иностранными агентами». Теперь, если госструктуры и идут на сотрудничество с нами, то с опаской и чаще нас все-таки избегают. Нас перестали звать на государственные встречи, и хотя нам говорят, что статус «иноагента» тут ни при чем, я все-таки думаю, что это как раз и есть ключевое препятствие.

Марина Писклакова-Паркер / Фото: Vital Voice

Важно понимать, что статус «иноагента» связан не только с ограничениями со стороны государства, он еще и развязывает руки таким радикальным группам, как, например, недавно **признанное** экстремистским «Мужское государство». Меня они доставали не один год, и статус «иноагента» [они] использовали как оправдание своих действий: мол, мы-то за правое дело боремся, «иностранных агентов» преследуем.

Я знаю, что с подобным отношением сталкиваются и другие организации, которые борются с домашним насилием. Это очень опасная тенденция. Она создает разжигание ненависти по отношению к женским организациям и усложняет их работу.

Сейчас стало, конечно, немного легче. Мы получаем больше поддержки, больше людей стали предлагать нам волонтерство. К тому же, отношение к «иноагентству» меняется. Раньше считалось, что это какой-то очень страшный статус. Сейчас он скорее вызывает у людей уважение.

В суд мы не обращались и свой статус никогда не обжаловали, потому что не понимали, насколько это эффективный путь. Когда нас признали «иностранными агентами», мы поговорили внутри команды, решили для себя, что мы не делали ничего предосудительного. Мы свою историю знаем: мы знаем, что мы не заказные. Пусть все, что нам приходится переживать в связи с «иноагентством», останется на совести тех, кто писал на нас доносы, и тех, кто продолжает нас преследовать до сих пор.

Борьба нам предстоит сложная, но я верю в окончательную справедливость. Я не знаю, в каком виде эта справедливость наступит: может, конечно, посмертно скажут про тех, кто был признан «иноагентами», что они делали что-то по-настоящему важное. Я знаю, что историческая справедливость все равно когда-нибудь обязательно наступит и все расставит на свои места.

Виктор Юкчев, основатель и руководитель «Института развития прессы — Сибирь» и фонда «Так-так-так». Фонд занимается организацией общественных расследований, тренингами, консалтингами и юридическими консультациями.

«Институт развития прессы — Сибирь» признан «иностранным агентом» 30 января 2015 года, а фонд «Так-так-так» — 20 февраля 2017 года

У нас две организации, обе «иноагенты». Одна — «Институт развития прессы в Сибири», в 2015 году ее включили в реестр, до сих пор она там. А [зимой] 2017 года в реестр включили фонд «Так-так-так». Связаны эти организации только тем, что [в них работают] одна и та же команда и один и тот же директор — я.

В 2015 году в уведомлении от Минюста о том, что нас признали «иноагентом», упоминалось одно из моих интервью одной из городских газет Бердска Новосибирской области. И там была у меня такая фраза: «Президент Путин ведет страну в тупик». Не более того! В уведомлении это так трактовалось: «Выразился нелестно в адрес президента, причем допускались в этом интервью и другие высказывания». Без цитирования вообще!

Была некоторая растерянность от того, а как действовать дальше, но пораженческих настроений не было. Мы не намерены были сворачивать свою деятельность, решили переформатировать ее — продолжали все то же самое делать.

«Институт развития прессы Сибири» это была тренинговая и консалтинговая деятельность для региональной прессы. В фонде «Так-так-так» мы начали работать шире: стали применять такой формат как общественные расследования. Там мы обучаем журналистов и любых граждан, чтобы они могли открывать на нашем сайте общественные расследования и вести их при нашей консультационной поддержке. То есть по стандартам качественной журналистики, но участвовать могут все. Если брать работу «Так-так-так» в целом, то больше всего граждан к нам обращается за юридической поддержкой.

Виктор Юкечев / Фото: Star-пер, Wikimedia commons, CC-BY-SA-4.0

На один из апелляционных судов [о признании «Института развития прессы — Сибирь» НКО-«иноагентом»] приезжала представительница московского Минюста. Я ей задаю вопрос: в чем же вы видите нашу вот эту «агентскую» деятельность? Поскольку никакой связи между зарубежными поступлениями и нашей деятельностью они не указали, в акте это не зафиксировано. Дама ненадолго задумалась и сказала: «Самим фактом своего существования вы оказываете влияние на общественное мнение, и этого достаточно».

Фонд «Так-так-так» тоже признали из-за «влияния» на общественное мнение, хотя связь этого влияния с поступлениями [денежных средств] не прописана. Нигде не указывалось, что это связано с расследованиями. Хотя как будто подразумевалось.

Самое печальное в статусе то, что начались отказы участвовать в наших проектах. Кто-то забросил свои расследования. Потому что, например, журналист начинает наше расследование, а одновременно работает в районной, областной или городской

газете, на телевидении. «Я не могу делать это одновременно», — и отказываются.

Одна совершенно смешная была ситуация, часто ее цитирую. Одна дама из частной районной газеты в Новосибирской области, которая уже много лет во всех наших проектах, во всех семинарах, тренингах участвовала, приезжает и ко мне подходит: «Ой, Виктор Павлович, вот, я вынуждена извиниться, я последний раз участвую в ваших мероприятиях». Я спрашиваю: «А в чем дело-то?» — «А вот зять мне сказал: выбирайте: или я, или фонд „Так-так-так“». Он сам то ли на муниципальной службе, то ли на государственной.

Для нас, для меня лично это самое болезненное. Потому что то, что с нами все меньше и меньше взаимодействуют органы власти, которые в первое время активно приглашали нас, — это не самая большая печаль. Когда люди — активисты, журналисты, которые могли бы проводить расследования и проводили уже, — для себя делают такой выбор не рисковать, это печально. Это гораздо хуже, чем многочисленные отчеты. К ним мы уже как-то привыкли.

Нас мотивирует желание жить в нормальной стране. Моя позиция и позиция моей команды, что ничего в нашей стране не изменится, пока каждый гражданин не поймет, что надо отстаивать свои права, не научится этого делать и не начнет этим пользоваться. Никакие смены во властных структурах абсолютно ничего не значат, пока не состоится — прозвучит высокопарно немножечко, но — «рождение гражданина». И я понимаю, что моей собственной жизни может не хватить, чтобы оно состоялось. Но если не двигаться в этом направлении, тогда ничего не изменится.

Сергей Курт-Аджиев, учредитель самарского общественно-политического интернет-портала «Парк Гагарина». Авторы сайта берут интервью

у правозащитников, освещают общественные процессы и экологические проблемы в регионе, а также работу муниципальных властей.

Организация, руководящая интернет-порталом, признана «иностранным агентом» 31 августа 2016 года

31 августа 2016 года мы появились в реестре Минюста. Мы на работе тогда сидели и сказали друг другу: «Ну, что будем делать?» А ничего, дальше продолжать работать. Тем более компания хорошая. До этого нам прислали документ, в котором говорилось, что у нас есть «признаки», что мы что-то нарушаем, и прочее. С этого дня мы ежедневно приходили на работу и тут же заходили на сайт Минюста, проверяли. Буквально перед нами, за день, «иноагентом» стал **Фонд защиты гласности**, мы очень за них расстроились. А на следующий день узнали, что и мы получили этот статус.

В 2011 году мы основали автономную некоммерческую организацию «Парк Гагарина» и зарегистрировали одноименное электронное СМИ. В 2015 году пришла плановая проверка самарского Минюста.

Их представитель посмотрел, сказал: «Ой, какие вы молодцы. А вот за этот проект вообще надо подавать заявку, чтобы вас признали социально ориентированной некоммерческой организацией».

Проект назывался «Серебряный возраст» и был сделан при поддержке областного фонда «Самарская губерния». Он был о людях пенсионного возраста, которые чем-то занимаются, что-то организуют, какие-то мероприятия проводят. Фонд нам предложил поработать с ними, и мы заключили на 100 тысяч рублей договор. И публикации у нас были по этому договору — про НКО, организованные пенсионерами. Это хорошая история, замечательная была.

В 2016 году, скажем так, мы окончательно достали тогдашнего губернатора господина Меркушкина. Последней каплей стало, видимо, то, что когда Меркушкин выжил некоторых людей из местной думы и запретил СМИ о них писать, мы продолжали брать у них интервью и комментарии. А господин Меркушкин, когда ему донесли, стал кричать и топтать ногами, чтобы прикрыли эту лавочку.

Они не придумали ничего умнее и решили сделать нас «иностранным агентом». Делалось это все абсолютно цинично. Приходит тот же самый представитель самарского Минюста, что и в прошлом году, проводить такую же проверку. И про тот же самый проект, который он хвалил, говорит, что это иностранное финансирование.

А иностранное финансирование получилось как: «Самарская губерния» занималась многими полезными вещами, в частности поддерживала ветеранов местного металлургического завода. Через этот завод, посчитал Минюст, «Самарская губерния» получала иностранное финансирование, а мы — через «Самарскую губернию».

Перед одним из судов я встречался с руководителем этой «Самарской губернии». И она сидела и плакала, мол, извините, и нам досталось. Им угрожали, что они сами попадут в реестр «иностранных агентов» (это произошло через два месяца после признания «иноагентом» портала «Парк Гагарина» — *ОВД-Инфо*). В общем, мерзкая и позорная спецоперация.

Сергей Курт-Аджиев / Фото: [Другой город](#)

Самая веселая история у нас была с ежегодным аудиторским отчетом [для НКО-«иноагентов»]. Когда мы сделали первый финансовый отчет и попытались, как сказано на сайте Минюста, отправить его в электронном виде, у нас ничего не получалось. В течение нескольких дней выясняли с Минюстом, как отправить. В итоге нас соединили с мальчиком-администратором, и он нам честно сказал: только по почте, аудит мы по электронной не принимаем. Хотя у них тогда было написано [на сайте], что аудит надо присылать в электронном виде.

Нас начали штрафовать. Сначала по мелочи, там, 10 тысяч, за какие-то нарушения. А в прошлом году нас пригласили в местный Роскомнадзор. И там товарищ, который курирует некоммерческие СМИ и организации, сказал, что мы нарушаем закон. «Парк Гагарина» получил 450 тысяч штрафа, а директор — 200 тысяч. За то, что у нас якобы не была указана маркировка [статуса «иноагента»]. Но дело в том, что у нас на сайте стояла маркировка, во всех соцсетях она тоже стояла. Они сказали: нет, вы должны ставить во всех публикациях.

Мы прошли все суды, в итоге выплатили все эти штрафы, 650 тысяч. Для небольшого регионального сайта это треть годового бюджета. А когда суды закончились, под конец года, появилось вот это разъяснение о маркировке: она должна быть такая-то, там-то, вот таким шрифтом. То есть нас оштрафовали до вступления этого положения в силу.

В этом году наступило пятилетие нашего «иноагентства», и мы решили этот статус снять. Написали заявление, как положено, по инструкции Минюста. Дальше нам устроили проверку и сказали, что мы не можем быть исключены из реестра, потому что продолжаем получать иностранное финансирование. В прошлом году «иностранное» финансирование мы якобы получали от таких организаций: Торгово-промышленная палата Тольятти, ООО «Виктория» и «Союз журналистов России». От последних у нас был грант на публикации на социальную тему. Так вот он был признан иностранным финансированием, потому что «Союз журналистов России» получал средства от некой организации, которая получала средства от некоего иностранного источника. То есть это уже «троюродная племянница» какая-то.

Мы давно ходим в суды. Сотрудничаем с «Агорой», они нам много помогают. Но вот Паша Чиков (глава Международной правозащитной группы «Агора» — *ОВД-Инфо*), например, говорит: ну зачем вам это надо? Закройте это, откроете другое. Но, наверное, я тупой человек, не знаю. Когда «Парк Гагарина» признали, мы были лидерами среди электронных СМИ в регионе. Сейчас мы ими не являемся и вряд ли сможем — в первую очередь финансово, потоки у нас очень сократились. Никто не хочет работать с иностранными агентами, все произносят фразу «Ну ты же понимаешь».

Будем считать это экспериментом российского масштаба: что и как мы должны сделать, чтобы перестать быть «иностранными агентами»?

Для меня это сейчас главное. Я буду проводить этот эксперимент на себе, на наших сотрудниках. Мы решили, что пойдём до конца. Кто мне объяснит — тот же господин Путин или кто-то с Минюста? Вот если появляется клиент, я заключаю с ним договор, мне обращаться в Росфинмониторинг? «А сообщите, пожалуйста, а не работал ли этот клиент с какими-то другими клиентами, у которых было иностранное финансирование?» А Росфинмониторинг что сделает? Он пошлет меня просто лесом. Скажет, что не обязан представлять нам такие сведения. Я заключу этот договор с клиентом, получу от него 10-15 тысяч. На следующий год самарский Минюст проведет проверку и опять скажет, что мы получали иностранное финансирование. Понять, где заканчивается это иностранное финансирование, никто не может.

Из-за «иноагентства» у нас никто не уходил, у нас народ проверенный, переживший и не такие истории. Но сейчас в штате осталось трое сотрудников, потому что нам содержать их не на что. У нас средств на существование почти нет. Какое иностранное финансирование?

Желание закрыться периодически возникало и возникает. Но я просто хочу дойти до логического конца. Либо мне скажут, что выйти из иностранных агентов нельзя. Официально пусть Минюст, Роскомнадзор, президент, Дума, которая всю эту фигню принимает, пусть официально сообщат мне, что выйти из иностранных агентов в Российской Федерации невозможно, закрывайся. Все, тогда я закроюсь.

Иноагенты

23 1229

Признание «иностранным агентом» — один из инструментов давления со стороны российских властей на независимые общественные организации, а с конца 2020 года — и на оппозиционных деятелей.

Ещё почитать

28.07.2023 [Москва](#)

Суд отказал фемактивистке Нике Водвуд (pixelpixel) в снятии статуса «иноагента»